

Симпозиум
«Картина мира» в евразийских религиозно-мифологических традициях
(20 ноября 2018 г.)

Мифологическая картина мира – «наивный», но устойчивый и по-своему эффективный способ концептуализации действительности, выработанный культурной традицией. Он базируется на установках коллективной психологии и может описываться как мировоззренческая / идеологическая система, сохраняющая это свое качество вплоть до нашего времени. В ходе работы симпозиума предполагается рассмотреть «картину мира» в ее мифологической репрезентации, описать ее как систему представлений о действительности и как реконструкцию общего семантического поля культурной (прежде всего, фольклорной) традиции, проанализировать ряд ритуальных и ритуализованных практик в качестве манифестаций этой базовой концептуальной и аксиологической системы, а также механизмы трансляции и интерпретации ее символических смыслов (в эксплицируемых фрагментах изобразительных, вербальных, акциональных текстов).

Программа симпозиума:

Д.С. Николаев

Статистический анализ евразийских религиозно-мифологических традиций

С.Ю. Неклюдов

Евразийский миф и его версии: «солнечный хаос» – от первотворения до эсхатологии

О.Б. Христофорова

Герменевтические возможности мифо-ритуальных систем народов Сибири и вызовы времени (на примере нганасан)

Д.И. Антонов

Стратегии коммуникации с сакральными образами в русской традиции: от Средневековья к современности

А.С. Архипова, А.А. Кирзюк

Картина мира одного спецпоселка: память репрессированных и «постпамять» их потомков

Тезисы докладов

Д.С. Николаев

Статистический анализ евразийских религиозно-мифологических традиций

Описание становления мифологической картины мира в Евразии требует анализа динамики мотивных наборов в разных традициях. Накопленные фольклористикой данные показывают, что мотивы преимущественно передаются из поколения в поколение и через контакты, а не зарождаются параллельно в разных традициях. Из этого следует, что

статистический анализ современного географического распространения мотивных комплексов может помочь прояснить процесс их распространения по Евразии и другим регионами и тем самым восстановить стадии развития мифологии в разных культурных областях. Общепринятых методов решения этой проблемы, однако, не существует. Одной из базовых проблем является выявление мотивов со сходным географическим распространением — необходимая предпосылка для выявления мотивных кластеров с информативной дистрибуции. В докладе будет предложен новый способ выявления мотивов со схожим распределением и показано его преимущество по сравнению с ранее предложенными подходами.

С.Ю. Неклюдов

Евразийский миф и его версии: «солнечный хаос» – от первотворения до эсхатологии

Миф о стрелке по солнцу, пафос которого может быть сформулирован как умирение «солнечного хаоса» имеет распространение в версиях гималайско-юговосточноазиатской, китайской, монгольской, восточнотунгусской, японской, южнославянской и в нескольких изолированных вариантах (армянский, литовский, русский, чувашский, башкирский, коми, ненецкий, сымско-эвенкийский), не входящих ни в какие версии. Специфика каждой версии определяется количеством и содержательным наполнением ее устойчивых компонентов (мотивов, сем); именно различные варианты их набора дают нам основание видеть в том или ином тексте изложение данного мифа.

Генеральный реестр этих мотивов (~ сем), охватывающий состав всех версий, известных нам на данный момент, довольно значителен, не менее двух сотен единиц, хотя точное количество определено быть не может. Есть несколько мотивов, которые в разных модификациях встречаются практически во всех версиях, составляя, таким образом, их общую содержательную базу. Это (1) «избыток жара» (от солнца / солнц, иногда также от луны / лун); (2) фигура культурного героя / борца с солнцем (~ «солнечным хаосом»); (3) оружие против источника жара / способ его подавления; (4) устранение избыточного жара / уничтожение лишних солнц.

Некоторые другие мотивы могут быть почти конгруэнтными области бытования рассматриваемого мифа, существуют и высокочастотные, но не всеобщие мотивы, а некоторые мотивы (в том числе занимающие в мифе более-менее одинаковые синтагматические позиции) могут встречаться только в двух-трех версиях, в остальных отношениях друг от друга сильно отличающихся; есть, наконец, элементы, общие для какой-то части версий (что допускает вопрос и об их более тесном родстве).

Сравнительный анализ мотивного состава данного мифа, его региональных и локальных контекстов позволяет установить структурное и историческое соотношение этих версий.

О. Б. Христофорова

Герменевтические возможности мифо-ритуальных систем народов Сибири и вызовы времени (на примере нганасан)

Нганасаны (устар. самоеды, тавгийцы) – коренной малочисленный народ, проживающий на п-ве Таймыр на севере Сибири (по данным Всероссийской переписи 2010

г. – 862 человека). Нганасаны традиционно вели кочевой образ жизни арктических охотников и жили относительно независимо от государства, пока в 1950-1960-х гг. не были переселены советской властью в поселки Усть-Авам, Волочанка и Новая, находящиеся южнее мест их традиционного проживания. Нганасаны придерживались шаманистских верований и практик, не испытывавших серьезного влияния со стороны российского и позже советского государства из-за удаленности территории проживания этого народа. Однако после смерти двух последних нганасанских шаманов, представителей шаманской династии из рода Нгамтусуо (Костеркиных), братьев Демнине (1913-1980) и Тубяку (1921-1989), нганасанская шаманская традиция пресеклась. В наши дни шаманские песнопения можно услышать лишь в исполнении фольклорных коллективов («фольклор на сцене»). Почему это случилось? Возможно, причина – во влиянии русской культуры, языковой и культурной ассимиляции? Или в борьбе с религией в советскую эпоху? Автор полагает, что в основе исчезновения нганасанского шаманизма и в целом традиционной культуры находятся несколько причин, основная из них – изменение типа хозяйствования и жизненного уклада, случившееся после массового перевода нганасан на оседлость в 1950-1960-е гг.

Д.И. Антонов

Стратегии коммуникации с сакральными образами в русской традиции: от Средневековья к современности

Почитание икон – важнейший компонент Восточного христианства. Культурные стратегии, связанные с почитанием икон, определяли (и отчасти определяют сегодня) широкий спектр частных и публичных действий, обрядов, символических актов. На Руси различные практики, связанные с иконами, развивались особенно активно, учитывая, что здесь, в отличие от территорий Римской империи, изначально отсутствовали мощи мучеников и другие раннехристианские реликвии. Символические акты, совершаемые с иконами, были интегрированы в самые разные области – домашнюю и публичную жизнь, правовую, военную, строительную, торговую сферы и др.

В современной постсоветской России эти практики стремительно распространяются. Воскресают традиции, теплившиеся в советские годы и конструируются новые, типологически схожие с существовавшими в Средневековье и Новое время. Анализ этих практик, их структуры, прагматики, функционирования, социальных ролей, исторической динамики – важнейшие задачи для историков культуры и социальных антропологов.

Многообразные практики, совершаемые в восточно-христианской традиции с сакральными образами, распадаются на несколько базовых стратегий. Две первые абсолютно нормативны для православия со времен утверждения догмата иконопочитания; три следующие распространены в сфере практикуемой религиозности мирян и клириков, и меньше акцентированы в «высокой» (книжной, интеллектуально-элитарной) христианской традиции, хотя обычно признаются как нормативные; две последние всегда осуждались носителями «высокой» христианской культуры:

– поклонение (это связано прежде всего с образами, размещенными в публичном пространстве – надвратными, настенными и т. п.);

– молитва (просительная или благодарственная, понимаемая как одностороннее обращение);

– реципрокная модель (одаривание иконы, часто понимаемое как установление взаимных обязательств между человеком и образом);

- апроприация силы (целенаправленное использование исходящей от иконы благодать);
- апелляция к иконе как к свидетелю, гаранту справедливости и т. п. (в суде, при бытовых тяжбах и т. п.);
- принуждение к чуду (провокативное наказание образа);
- месть (непровокативная агрессия).

Эти стратегии могут либо дополнять друг друга, либо, в некоторых практиках, совмещаться – к примеру, подвеска в форме глаза воспринимается и как дар иконе, и как эффективное средство для того, чтобы образ исцелил глаза дарителя.

Сами по себе, эти практики архаичны и широко распространены в самых разных культурах, включая, что было важно для формировавшейся христианской традиции, Римскую империю. Их аккультурация в христианском мире происходила в середине первого тысячелетия и в итоге привела к распространению иконоклазма в VIII–IX вв. После утверждения иконопочитания на Востоке христианского мира весь комплекс этих практик оказался связан в первую очередь с иконами (в Европе – преимущественно с круглой скульптурой).

А.С. Архипова, А.А. Кирзюк

Картина мира одного спецпоселка: память репрессированных и «постпамять» их потомков

Основная волна исследований памяти о сталинских репрессиях, о массовых депортациях социальных и этнических групп, прошла в 1990-е годы. Тогда, однако, историки, краеведы и активисты ограничивались в основном сбором документов и личных воспоминаний, причем, как правило, не ставя перед собой собственно исследовательских задач. При этом сбор материала велся дистанционно – жертв репрессий просили прислать воспоминания в письменном виде [см., например: Решетников 2005; Доброноженко, Шабалова 2005; 2008].

В отличие от первых собирателей нарративов о ссылке и репрессиях, нас интересует не только память, но и «постпамять». С помощью этого понятия Марианна Хирш обозначает сумму представлений о событиях, которые переживались не нами лично, а старшими поколениями наших семей. Такие «воспоминания» формируются благодаря рассказам и поведению людей, среди которых мы выросли, а также на основании мемуаров, фильмов и художественной литературы. Наши исследования показывают, что существуют значительные расхождения между тем, как выстраивают нарратив о высылке носители памяти об этих событиях и «постпамяти» о них.

И наши интервью (записанные в бывших спецпоселках Чуриловка, Советское Тотемского района Вологодской области), и материалы, собранные исследователями 1990-х, показывают, что нарратив «памяти» о раскулачивании и высылке часто выстраивается по «обличительной» модели. Как правило, жертвы обвиняют власть в том, что довелось пережить им и их семьям. Подробные описания голода, холода, унижений, страха и массовых смертей не содержат никаких попыток оправдать действия властей. Однако совсем не так устроены нарративы носителей «постпамяти». Они, как правило, имеют «оправдательный» характер, их задача – выстроить «правильную» советскую биографию своих родителей и таким образом вписать спецпоселенцев в правильную картину советского общества. По этой причине возникает несколько специальных фольклорных сюжетов, о которых мы расскажем на докладе.